

Андрей Терехов
ВОЛК

В ЕЕ ГОЛОВЕ. ТОМ 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Волк в ее голове

Андрей Терехов

**Волк в ее голове.
Часть I (бесплатно)**

«Автор»

2019

Терехов А. С.

Волк в ее голове. Часть I (бесплатно) / А. С. Терехов — «Автор», 2019 — (Волк в ее голове)

У десятиклассника Артура есть проблема: он плохо умеет писать. Это называется дисграфия. Есть у Артура и вторая проблема – бывшая подруга Диана, которая молчит уже полгода и пугает окружающих своим поведением. Это называется заноза в заднице. Артур пытается понять, что происходит с Дианой, и погружается в мрачные тайны ее семьи, протянувшиеся через десятилетия. Сможет ли он вытащить девушку из порочного круга преступлений, прежде чем случится ужасное? Сможет ли выбраться сам? В основу романа лег ряд нераскрытых убийств 1980-х, а также 2000-х годов. Книга вошла в лонг-листы премий "Русский детектив" и "Электронная буква" 2022 года. «Рекомендую тем, кто обожает все загадочное и непонятное, тем, кто любит читать про школу и школьников (здесь очень выразительный слепок со школьной жизни), тем, кто подобно мне обожает, когда автор использует все богатство русского языка, не ограничиваясь набором шаблонных фраз и простых предложений». - Anastasia246, эксперт Лайвлиба.

© Терехов А. С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая. Пауки во мне	5
Сон первый. Холм смерти	6
Сон второй. Печаль не будет длиться вечно	13
Сон третий. Музыка остаётся, голоса исчезают	23
Сон четвёртый. Молчание	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Терехов

Волк в ее голове. Часть I (бесплатно)

Часть первая. Пауки во мне

Уничтожает всё кругом:

Цветы, зверей, высокий дом,

Сжует железо, сталь сожрёт

И скалы в порошок сотрёт,

Мощь городов, власть королей

Его могущества слабей.

Загадка из книги Дж. Р.Р. Толкина «Хоббит»

Сон первый. Холм смерти

Послушайте, я, конечно, мог бы рассказать очередную историю взросления с нравоучительным финалом, но, простите идиота, этого не будет.

Будет мёрзлый, звериный, колючий полумрак; будет (минуты через две) хорошенькая и не очень счастливая девочка. Хтоническая жуть древнего холма, северное сияние, каменный лабиринт и подросток с чрезмерной склонностью к рефлексии и сарказму (ваш покорный слуга).

Что ещё сказать? Радость лжива, печаль бессмертна, а эволюция вместо сильнейших отбирает психологические уродства.

Если вы не передумали, я досчитаю до трёх и мы начнём.

Раз...

Два...

А-а-а, пока не забыл – оденьтесь потеплее. Как бы не май месяц.

Итак, раз...

Два...

Под моими ногами с хрустом проламывается снежный пласт, и ледяной воздух обжигает ноздри.

Мне тринадцать. Семнадцатое февраля, девять нуль две. Дубак. Дубище. На рассвете шибануло в минус двадцать четыре, а с полудня температура упала ещё на десяток градусов. Того и гляди замёрзнет свет звёзд.

Ноги дрожат от усталости, лицо обгрызает колючий ветер. Забавно: всю сознательную жизнь я терплю этот потусторонний зимний ад и должен бы привыкнуть – но нет.

Даже вот на столечко.

Над головой изгибаются тяжи северного сияния, и зелёно-фиолетовые отсветы перетекают с крутого склона на узкую тропинку между елями. Снег клоками свисает с ветвей и иногда падает с суховатым «пух-х-х...».

Холм смерти. Подобные названия не дают зря, согласитесь? Официальная версия гласит, что во времена неолита некие инженеры построили на вершине каменный лабиринт и не то погребали там кого-то, не то ловили рыбу. В общем, с предназначением древней конструкции могу ошибаться. С эпохой тоже, но слово «неолит» мне очень-очень нравится, и я готов проносить его часами: неолит, неолит, неолит, неолит, неолит, неолит... ну, вы поняли.

Ещё десяток метров остаются за спиной, и я утыкаюсь в сетку ограждения. Посреди неё оскалилась дырища с меня ростом, рядом поскрипывает на ветру люминесцентная табличка «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!».

Я невольно приостанавливаюсь. Пока тело приходит в себя от подъёма, под кожу забирается страх, карабкается мурашками по спине и шепчет в уши: «Тебе это не нужно...»

Да уж. Ни капли.

Глубокий вдох – и я лезу через отверстие в ограде. Острые края проволоки царапают висок, сдёргивают шапку.

– Ай!

Кожу на голове покусывает мороз. Я забираю шапку обратно и, кляня всё на свете, поднимаюсь выше. Голени ноют от тяжёлого подъёма, дыхание сбивается. Ветер завывает раненым животным: дерёт щёки ворохом колючих льдинок, воняет горелой резиной.

На гребне холма я замечаю Диану. Она греется у железного бочонка в центре каменного лабиринта, и тени трескучего костра пляшут на бледном лице.

Как описать её? Представьте девочку, которая здороваётся со всеми прохожими (те угрюмо молчат в ответ) и знает отличия трилобитов от белемнитов. Ещё у неё диабет, и в любую погоду мёрзнут руки – так, что прикосновение к ним навеивает мысли о ледяной смерти. Внешне? По-моему, Диана более всего напоминает рыжую сосиску, на которую натянули одежду. Сегодня к нашему вниманию: чёрная парка, розовая шапка-менингитка с белыми рогами и красные штаны. Вот такая длинная сосиска: выше меня сантиметров на двадцать, тощая, с поцарапанной мордочкой. Впрочем, Диана всё время выглядит так, словно бежала из концлагеря.

В первом классе мы с ней друг друга ненавидели. Она спорила со мной ПОСТОЯННО. Я говорил одно, а Диана всегда доказывала противоположное. Мы дрались, кусались и визжали, как два поросёнка.

– Чел, я три «о».

– М-м... околдована?

– Я О-коченела, О-тупела и О-фонарела тебя ждать.

– Соря-я-я-ян. С Валентосом по телефону заболтался.

– С кем с кем?

Диана хмурится и складывает руки на груди.

Для справки...

СПРАВКА

Валентоса я знаю с осени. Единственная радость, которая скрашивает сей малоприятный факт, что меня сослали в валентосовский «В», класс для дЭбиллов, а Диану оставили в «Б». Валентос у всех цыганит жвачку – непременно по две подушечки, как в рекламе, и одну отдаёт мне. А ещё он даёт списывать, и, наверное, мы бы отлично дружили, если бы не рыжая-сами-знаете-кто.

– Ладно тебе! Он тебя поздравить хотел и всё такое... Угу.

– Угу! Надеюсь, ты не позвал сюда эту рыбу-прилипалу?

– Ну...

Я виновато улыбаюсь, и Диана вскидывает руки.

– О, Господи!

– Он хочет подарить тебе подарок.

– О! ГОСПОДИ!

– Попробуй сосредоточиться и посчитать от двухсот девяносто пяти в обратную сторону.

Ну вот какая вот разница, кто чей дед?

– После того, как этот твой дед...

– Не мой.

– ...промыл маме мозги этой своей пустыней? – Диана показывает варежкой в сторону огней Северо-Стрелецка. – Мне теперь – посчитать и забыть?

– Валентос про Бога не трюндит. Разве что про Тора.

– Вот с ним тогда и гуляй, и живи, и... и обряд тоже с ним сделаешь. Три «с» тебе.

Диана складывает руки на груди и отворачивается. Иногда она очень упрямая и это ОЧЕНЬ бесит.

– А первое «с» где?

– Не знаю. Не важно!

Я размышляю, в каком слове Диана нашла первое «с», но потом соображаю, что для таких дум слишком холодно, и примирительно улыбаюсь.

– Обнимашки?

Диана, не понимая, смотрит на меня.

– Чего?

– Обнима-а-а-ашки-и-и-и, – я выпучиваю глаза, поднимаю руки и, как зомби, топаю на Диану. – Обнима-а-а-ашки-и-и-и.

Диана отступает от меня, едва не заваливается в огонь и с обречённым видом скрещивает руки. Я повисаю на ней всем весом, как орангутанг на дереве.

– Чел, – Диана изображает скучающий вид, – сознаешь ли ты, что весишь с тонну?

– Я обнимашечный демон. Не могу же я весить как... пёрышко.

– Пожалуйста, обнимашечный демон, отзови своего прилипалу. Пожалуйста-пожалуйста!

– Вот объясни, как можно «отозвать» человека, если он хочет подарить подарок?

Диана задумывается на секунду, потом радостно вскрикивает и скачет вокруг.

– Скажи, м-м, что у тебя понос, и это заразно. И фурункулы! Понос и фурункулы! – Она морщится. – Бу-э-э-э! Аж самой противно!

– Я так делать не буду, – в моём голосе прорезаются железные, батины нотки, и мордашка Дианы вытягивается.

Секунд десять мы безмолвно тарачимся друг на друга. Постепенно плечи Дианы округляются, она чуть наклоняет голову и исподлобья смотрит на зелень северного сияния.

Я понимаю, что переборщил, и тараторю:

– Сделаем тут всё, он подарит, и пойдём в ТЦ кататься на эксала... эскалаторах.

Лицо Дианы выражает скепсис, и я добавляю:

– Или домой к нам. Учитывая боевые действия, он там точно долго не останется.

Диана стонет.

– Чего там с нашими безумными предками?

В голове неприятно вспыхивает картинка: Вероника Игоревна после ссоры с батей, у нас дома. Она только вышла из комнаты «родителей», и сквозь застеклённую дверь протекает голубоватый свет телевизора. Лицо Вероники Игоревны отвёрнуто от меня, из причёски выбились рыжие пряди и скрыли чёрные глаза. Я только и вижу, что линию подбородка и губы, которые

сжимаются в ниточку. Ворот белой рубашки расстёгнут – сколько помню, Вероника Игоревна всегда щеголяет в этих мятых белых рубашках, – рукава неаккуратно, по-мужски, закатаны до локтей и приоткрывают созвездия родинок. Я смотрю на Веронику Игоревну и чувствую себя до предела неловко, будто подглядывал в замочную скважину, и меня застали с поличным.

– Ну-у, что?.. Мой батя сказал, что я тупой, потому что ему позвонила Влада Валерьевна и пожаловалась, что в сочинении я ни одного раза из тринадцати не смог написать одинаково фамилию этого г-городничего. А твоя мама стала меня защищать. А потом... потом мой батя предложил ей ещё раз уйти жить в пустынь и никому ничего не объяснять, а твоя мама начала бить посуду.

– Опять? – Диана корчит измождённую рожицу. – У нас тарелок скоро не останется.

– Батя ей то же самое сказал. И твоя мама ушла куда-то, а мой батя заперся в комнате с бутылкой «На берёзовых бруньках» и альбомом «Машины времени».

– Похоже, я вовремя свалила.

Диана смешно растопыривает руки, но мордашка её грустнеет.

Да, с предками дело не задалось, иначе не скажешь. Не то чтобы наша семья совсем пропащая: например, Диана придумала трёхминутки нежности, когда кто-то один орал благим матом «трёхминутка», а остальные (в идеале) бежали друг к другу и обнимались. Как мама Дианы и мой батя съехались? О, это отдельная песня, достойная современного трабладу... трубуду... а, неважно.

Тем временем Диана вытаскивает из рюкзака-осьминожки пару деревянных куколок – мужскую и женскую. Чувствуя неприятный озноб, я подхожу к бочке, в круг резиновой вони и бронзового света. Лицо обдаёт горячим воздухом, пальцы отмерзают и покалывают.

Диана снова зарывается в голову рюкзака-осьминога. Что-то блестит в свете костра, и живот мне скручивает от страха.

– Готов? – Диана подходит к бочке, снимает варежки и отдаёт мне мужскую куколку. Чёрные глазки упорно высматривают что-то за моей спиной в зеленовато-фиолетовом полумраке. – Готов или нет?

Какое-то давящее, тревожное чувство появляется в груди, но я киваю. Пламя отражается в игле для инсулинового шприца. Диана медлит секунду и резко протыкает кожу на мизинце. Я чувствую, как напрягаюсь, лицо Дианы и вовсе без слов говорит «блевать». Через секунду она собирается с силами и мажет кровью деревянную куколку. Шприц будто гигантское, раскалённое жало переходит ко мне.

Ох-х. Я неуверенно стаскиваю варежку, и пальцы мигом снова немеют на ветру. На шее поднимаются от страха волосы.

Чересчур сильный удар воткнёт иглу в кость. Слабый – не пробьёт и кожи. И вообще я избегаю колюще-режущие предметы.

– Чел, если боишься, ты всегда можешь бросить нашу говназию и стать... Пост-панк-прогрессив-металлистом! Там много ума не надо.

Чтобы вы понимали, у Дианы под паркой спрятался пунцовый кардиган с «Фекальным вопросом». А дома электрогитара с логотипом «Фекального вопроса» (угадаете с трёх раз, каким?) и плакаты всех его альбомов. Не говоря о значках, которые пришили на рюкзак-осьминожку, на бок рогатой шапки и чёрт знает куда ещё.

– Ничё я не боюсь.

– Чел, у тебя коленки трясутся.

– Ничё у меня не трясётся.

Диана изображает лунную походку в каменном лабиринте, и её тень то удлиняется, то укорачивается – пульсирует на снегу.

Помните, я говорил о ритуалах погребения на холме? На какой-то экскурсии нам рассказывали, что живого человека тропинка между камнями всегда приводит обратно ко входу.

Мертвеца же лабиринт затягивает, как водоворот, и больше не выпускает наружу. Меня рядом с этими булыжниками постоянно берёт оторопь – будто чувствуется ледяное прикосновение времени?.. древности?.. тлена?..

Я зажмуриваюсь и шпарю иглой по одеревенелому от холода пальцу.

– Вот сука!

Мой возглас замерзает с дыханием в морозном воздухе. Глазам делается тесно в орбитах, кожа на спине выпускает мураши. На мизинце набухает тёмно-алая капля.

– Чел, если ты ещё раз выругаешься, я заклею скотчем уши и с тобой месяц разговаривать не буду, – недовольно бурчит Диана и вновь складывает руки на груди. Ходить задом наперёд она не прекращает.

– Сорян. Хотя твоя мама вчера так сказала.

– Хочешь быть похожим на мою маму? Может, тоже в пустынь свалишь?

Голос у Дианы подрагивает, и я поспешно отвечаю нет, хотя у Вероники Игоревны это «вот сука» вчера вышло так смачно, что второй день приплясывает на кончике языка.

– И с кем она теперь пособачилась?

– Да не. – Я мажу кровью фигурку и выкидываю шприц. – Это когда мы гидростатикой занимались...

– «Занимались»?!!

– Ну-у-у... – Я поднимаю взгляд на Диану и по её насупленному лицу догадываюсь, что разговор свернул на опасную дорожку. – Как бы...

– То есть моя мама учит тебя какой-то «гидре», и никто не подумал мне сказать?

– Не то чтобы учит... – Я перебираю слова, как сапёр проводки на бомбе. – Думал, ты знаешь.

– Похоже?

– Ладно тебе!

– Чего ладно? Почему я всё узнаю последней? Что наши предки встречаются – я узнаю в день переезда. Что моя мама решила жить в православной секте – я узнаю от твоего отца. Что моя мама занимается с тобой этим обдолбанным гидростроением, я узнаю...

– Гидростатикой.

Голос Дианы спотыкается, она глупо открывает-закрывает рот.

– Твоя мама – единственная училка, которая не зовёт меня «средним идиотом», – я развожу руками, – дебилом, бревном, буратино и тому подобными... нарицательными.

Диана демонстративно улыбается и продолжает путь задом наперёд – теперь уже обратно, от внешнего края лабиринта к центру. Минуты две проходят в молчании. Постепенно лицо Дианы разглаживается, и только губы её вытягиваются в трубочку. Лишь когда ушей достигает свист, я догадываюсь, что она продолжает обряд.

Насколько же всё это глупо.

Круги лабиринта медленно возвращают Диану к бочке, свист блуждает по нотам, пока не сливается с ветром в унисон. Возникает ощущение, что воздух поёт на древнем, мёртвом языке, звенит роём ледяных игл.

Бр-р-р.

Диана шагает к бочке, пересекая центр лабиринта, и вздымает руку с окровавленной куколкой. Свист оглушает, чёрные глаза выжидательно смотрят на меня.

Я поёживаюсь и заносу мужскую фигурку над огнём. Облизываю потрескавшиеся от мороза губы, бросаю взгляд на Диану.

Она кивает.

– Чтобы... – Я прочищаю горло и безуспешно стараюсь переорать хор Дианы и ветра: – Чтобы хоть по одному предмету у меня были нормальные оценки. Типа того...

Я морщусь от собственного неверия, от косноязычия и брезгливо, как грязные трусы, бросаю деревянную куколку в пламя. Она мгновенно исчезает в огне, и только сноп искр вырывается из недр бочки.

Звук ветра меняется, и я не сразу понимаю, что Диана перестала свистеть.

– Чтобы больше никогда моя мама... – она пристально смотрит мне в глаза, – чтобы никто никогда не оставлял меня одну!

Диана поправляет светло-ржавые пряди, которыми ветер укрывает её лицо, и подносит ножки куколки к потокам пламени. Две женщины зачарованно изучают друг друга: деревянную пожирает огонь, у живой – языки костра пляшут в чёрных глазах.

– Теперь всё? – спрашиваю я, когда Диана отпускает фигурку и та камнем летит вниз.

Диана вздрагивает и смотрит в мою сторону: молча, бессмысленно, словно не видит и не узнаёт. Проходит мгновение, другое, пока её взгляд не проясняется.

– Чел, ты такой трусишка.

Слова Дианы тяжестью повисают на шее, и я неохотно выхожу из каменного лабиринта, приближаюсь к краю вершины. Нутро сковывает от ужаса, волосы встают дыбом.

Мы на чёрт-те какой высоте. Посмотрите сами: ледовая тропинка тянется бесконечно вниз, и вниз, и вниз – и без вести пропадает в хмари карьера.

Не знаю, как вели себя древние люди в оригинальном обряде, но более идиотского способа доказать языческим богам, что ты смел и достоин небесной помощи, не придумаешь.

Я закрываю глаза, считаю до шести и снова опускаю взгляд. Ничего не меняется: страх всё так же парализует меня и всё так же под ногами разверзается мёрзлая пропасть. Садись и ешь. Ничего сложного. Абсолютно.

Я стаскиваю с плеча ремень ледянки и плюхаю её в снег. На большее сил нет, если вдруг не появится шепотка той самой храбрости, которую требовали с наших предков древние боги.

За спиной трещит наст. Мимо проشمывает Диана, похлёстывая меня рыжими, похожими на перья снегиря волосами, и с любопытством смотрит вниз.

– Боишься? – участливо спрашивает она, и я признаюсь:

– Угу.

Огонь в бочке притухает, и снег вокруг чернеет, уходит в тень.

– Фух! Еле вас нашёл! – доносится сзади голос. Звучит он как у мальчишки, который очень спешил и запыхался. – Вы видели знак, что тут опасно?

Диану перекашивает. Я оглядываюсь: к нам идёт толстоватый парень с красным от мороза лицом и подарочным пакетом.

– Чел, запомни это для истории. – Во взгляде Дианы мелькает что-то задорное и... не знаю – идиотское?

– М-м?

Она чуть разбегается, прыгает на ледовую тропинку и летит вниз, в темноту. Летит без опоры, без поддержки, балансируя на тонких – как это возможно? – ногах, визжа от агонии бешеного восторга:

– Расскажешь моим ВНУ-У-У-У-КА-А-А-А...

Рыжие волосы-перья бросаются к небу, к призрачно-зелёным тяжам в густой черноте, и ныряют за гребень холма.

Моя рука тянется следом, как и вопль «Диана?!», который не сорвался с губ. Сердце бьётся где-то в горле, будто это я только что проделал сумасшедший трюк и съехал СТОЯ с Холма смерти. Но я лишь смотрел – как зачарованный, как загипнотизированный, – пока юная оторва это вытворяла. Делала, блин, историю.

Вы встречали людей, которые вас поворачивают, как рычаг? Вбок, в сторону – куда раньше и не смотрели? Наверное, я бы забил на всё ещё минуту назад. Тридцать секунд назад

я знал, что развернусь и не поеду, что плевал на эти обряды. Но уйти теперь, когда девчонка оказалась смелее? Когда съехала на ногах, словно... словно...

Да кто так вообще делает?!

Я подхожу к самому краю. Лицо обжигает студёным воздухом, ноги подкашиваются. Конца ледового спуска не видно, и Дианы не видно – её съела потусторонняя темнота внизу.

Я не рассказывал, как лет пять назад здесь разбилась одна девушка? С тех пор число экстремалов поубавилось, и карьер с Холмом огородили, но – толку то? – на любую ограду найдётся Диана с кусачками.

– Ты ей говорил, что у меня подарок? – доносится обиженный голос Валентоса.

Я слтаываю. Костёр в бочке дотлевет, и к звёздам вытягивается султан чёрного дыма. Вершину холма поедает зелёно-фиолетовый полумрак, а в мыслях закольцованным видеороликом крутится, как рыжие волосы взлетают к небу и растворяются в темноте. Я же не трусливее девчонки? Нет?

– Ну почему она всегда так? – раздаётся всё ближе голос Валентоса.

Щёки обжигает от стыда. Я зажмуриваюсь, а потом без разбега, как камушек в пропасть, падаю на ледянку и лечу с холма. Сквозь посвист ветра меня догоняет изумлённый вскрик Валентина. Сердце ухает вниз, желудок подпрыгивает. Земля выскользывает из-под ног, попу подбрасывает и больно бьёт о седушку.

– Артур?! – с искренней обидой кричит Валентос. – Я же к вам... с вами!..

На душе становится тяжело.

Я открываю глаза. Воздух свистит, ледянка свистит, и я верещу вместе с ними. От радости, от страха, от стыда перед Валентосом. От этой морозной черноты, в которую я лечу винтовочной пулей, разгоняясь всё больше, всё страшнее, так что ледянка бешеным зверем бьётся подо мной.

Я съехал с Холма смерти.

Я это сделал.

Сон второй. Печаль не будет длиться вечно

2018 год, мне семнадцать. Впрочем, считать вы и сами умеете.

Я сижу за сине-зелёной партой в новеньком, как запакованный «Лего», кабинете химии. За окном укрывается белым одеялом городское кладбище. На его фоне замерли силуэты учеников, и фигура Вероники Игоревны венчает безмолвные шеренги. Она оперлась руками на стол, а спину наклонила вперёд. Кажется, что-то на улице привлекло её внимание, и мама Дианы окаменела в задумчивости.

Парят, свистят трубы отопления. Шуршит мартовский снег: белил чёрные ленты кладбищенских дорожек, одевает шапками кресты. Зима стоит, не отступает. И ещё пару недель она продержится, ещё подремлет в ледяных тенях остов Северо-Стрелецка, а потом зарядят дожди. Смоют в канализацию реагенты, прильют к земле грязно-ноздреватый снег. Брызнут солнце, зелень и цветы, и небо вспыхнет ясно-синим – весна войдёт в свои права.

Но это потом, а пока кто-то кашляет, кто-то шуршит одеждой. Ветерок вздёргивает занавеску, куполом надувает платье Вероники Игоревны, и вырывает прядь-другую из рыжего хвоста её волос.

Я моргаю, прогоняя туман из глаз, и всматриваюсь в точку, которая загнипотизировала маму Дианы. Это цифра 4. Её выцарапали на мутном стекле, на фоне серого марта, снега и кладбища.

В солнечное сплетение вонзаются коготки страха.

Весна.

Господи, всего год до конца гимназии.

Ещё будто вчера я цепенел у ледяной дорожки, и рыжие волосы Дианы взлетали к северному сиянию, а теперь...

Я взрослый?

Я ведь совсем взрослый.

Вероника Игоревна по-прежнему не двигается, и я поёживаюсь. Тягостное чувство только усиливает новый кабинет химии. Он выгорает сумеречным, эктоплазмическим пламенем: языками голубого, сине-зелёного, лазурного и фиолетового оттенков, которыми выкрасили стены и парты. На потолке синий огонь алеет, будто над морем загорается закат. Рисованный пожар, а с ним, зловещей иронией, живёт в памяти пожар настоящий, что погубил вместе с подсобкой старый химкабинет.

В голове мелькает не столько картинка – ощущение: мы с Дианой толкаемся плечами на пороге. Стены и потолок скрываются в черноте, пахнет гарью, а от Дианы – ацетоном, ибо у неё зашкалил сахар.

Когда же это случилось? Три? Четыре года назад?

– Ты понимаешь, чё происходит? – спрашиваю я Валентина. Он обрабатывает в айфоне застывшую Веронику Игоревну: подрисовывает нимб, крылья и табличку: «Не будить до конца света».

О да, это Валентин, не удивляйтесь. Полноватый мальчик с открытой, добродушной мордочкой канул в Лету, чтобы на его месте выросло стодевяностосантиметровое верзилло. Оно застёгивает до ворота белые рубашки, закупоривается в серые костюмы и собирает длинные волосы в хвост – будто уже сейчас готовится принять сан вслед за дедом. Разве что глаза Валентину оставили прежние: жёлтые глаза нечеловеческого оттенка, какой встречается лишь у ифритов из арабских сказок и диких зверей.

От этого неполного соответствия между реальным Валентином и его двойником из книги воспоминаний у меня постоянно возникает неприятное, зудящее чувство. Как если бы я увидел рассинхрон, зазор в ткани пространства-времени.

– Твоя Мадам Кюри зависла, – с запозданием подмечает Валентин и постит облагороженный портрет Вероники Игоревны в «Почтамп».

– Чё она моя-то?

– Прости?

Я рычу и спрашиваю громче:

– Может, не надо её в инет?

– Прости?

– Ой, да иди ты в пень!

Я машу на него и смотрю на Веронику Игоревну. Она так и не шевелится, и это до ужаса пугает. Будто горгона Медуза посмотрела по глупости в зеркало и окаменела от собственного проклятия.

Нет, не то.

Сейчас...

Нарисуйте в воображении огненноволосую химичку-физичку лет тридцати пяти. Неуместно красивую. Красивую, как долбаные ведьмы, которых штабелями сжигали в средние века, красивую настолько, что у вас перехватывает дыхание.

Она неряшлива, она покусывает изнутри щёку, когда задумывается; её длинные пальцы облеплены грязными пластырями, по которым плачет санэпиднадзор. Она не ставит четвёрок, а только двойки-тройки-пятёрки. Вы уже догадались, что цифра на окне появилась не случайно?

Вишенка на торте: IQ Вероники Игоревны под 160 или сколько-там-бывает-максимально. Нет, это сложновато вообразить, так что засучите рукава – сейчас будет метафора.

МЕТАФОРА

Вы не смотрели ужастик, где в уши героям забирался инопланетный червь и пожирал мозги? Представьте человека, мозг которого поедает этих тварей сам. Так, на завтрак, в перерывах между кофе и омлетом.

Опа – и нет червя!

Вероника Игоревна. Поверьте, столь умные, красивые и язвительные классные руководители встречаются редко.

«Артур Александрович, снова будете с моей дочерью ворон ловить?»

И всё же она единственный учитель, который стоил этих мучений в гимназии. Возьмите хотя бы электив по гальванике или наш чудо-класс. Или интерактивную доску! Её привезли в феврале, и нам разрешат писать на ней пальцем, как на планшете.

Пальцем, Карл!

Сегодня мы выпускали змею из таблетки, а теперь «воскрешаем» знаменитостей. Если не верите, взгляните на доску:

Шуберт 1797–1828 (31 год) – тиф

Вагнер 1747–1779 (32 года) – туберкулёз

Гауф 1802–1827 (25 лет) – тиф

Ван Гог 1853–1890 (37 лет) – безумие

Чайковский 1840–1893 (53 года) – холера

Рафаэль 1483–1520 (37 лет) – сердечная недостаточность.

Увидели годы жизни и болезни под портретами? Каждая парта ищет в справочниках РЛС таблетки, которые вылечили бы наших гениев, если бы появились не в XX веке, а раньше. На нас с Валентином свалился Ван Гог: безумие, эпилепсия, гонорея и бог знает что ещё. Когда я таки отыскал подходящее вещество, Валентин пошутил: мол, спасти – не спасём, но хотя бы душу художнику вылечим.

Как вы понимаете, меня вырубает на любых уроках, кроме химии и физики, но накануне Вероника Игоревна прислала ссылку на статью о кевларе (из его волокон плетут ткань бронезилета, на секундочку, и, ещё на секундочку, придумала его женщина). В результате я сам себе напоминаю вампира, которого солнечным днём подняли из гроба.

Голод.

Раздражение.

Сонливость.

В классе смелеют. Парни шепчутся, ржут, пинают друг друга. Девки фоткают Веронику Игоревну на телефоны, выкладывают её в Instagram, в Telegram, в Почтампъ и тут же комментируют. На экранчике моего телефона, который подрёмывает в углу стола, одно за другим вспыхивают оповещения из чата класса.

ПОЧТАМПЪ сейчас

Ленка Павликовская

Вот это лицо XD

ПОЧТАМПЪ сейчас

Олег Петраков

Перезагрузите её нахер

ПОЧТАМПЪ сейчас

Митяй Басов-Яроцкий

Когда говняку съела))

Дегенераты.

Едва появляется новый коммент, по классу – окей, по той части, у которой телефоны, а не булжники – разносится многоголосый «би-бип». За «би-бип» следуют шепотки, за шепотками – звуки жизнедеятельности. Кто-то шмыгает носом, кто-то пускает «шептунчики», кто-то зевает.

И снова – «би-бип» от новых комментов.

Поразительно: ещё четыре года назад люди писали друг другу СМС – теперь пришли чаты. Пулями летают фотки, видюшки, аудиосообщения. Телефоны худеют, экранчики растут. У каждого второго гимназиста появился личный карманный интернет, а с ним и удалённый доступ ко всей галактике Млечного Пути.

К вечеру из Вероники Игоревны сварганят мем, и она поселится в Google-поиске – где-то между Хитрым планом Путина и печальным Киану Ривзом.

[фото Вероники Игоревны]

КОГДА СПЬЯНУ НЕ ПОМНИШЬ, ПОСРАЛ ИЛИ НЕТ

Вы слышали выражение «испанский стыд»? Нет? Тогда вспомните, как ощущали неловкость за чужого человека, будто сами попали в глупую ситуацию. Если верить Википедии, благодарите за такое счастье «зеркальные нейроны». Красивое название, не правда ли? Ещё поблагодарите эти клеточки за печаль, когда грустят рядом, и за веселье, когда раздаётся смех. Или за человека, с которым никак не разойдётесь, шагая навстречу друг другу, и один в один повторяете движения.

Поразительно: мой разум не запоминает, как употребляется «не» с наречиями, но статья о зеркальных нейронах врезалась в память намертво.

Телефон истерически мигает уведомлениями, и я чувствую, как этот самый «испанский стыд» – не за себя, а за Веронику Игоревну – по кусочку выедаёт меня изнутри.

Пальцы неуверенно разблокируют экран, находят в контактах «Классрук» и, помедлив, вжимают в дисплей синюю иконку вызова.

Надеюсь, хоть это выведет Веронику Игоревну из ступора.

От учительского стола раздаётся колокольный перезвон, и народ галдит ещё громче – как в анекдоте о чукотском радио.

– Помоги сей заблудшей душе, – шепчет Валентин, когда замечает «Классрука» на экране моего мобильного, и крестит меня. – Голова у неё садовая, но желания праведные.

Наконец мой звонок действует: Вероника Игоревна тяжело вздыхает. Вздрагивает светло-сиреневая юбка, белая рука соскальзывает со стола, спина распрямляется.

Слава богу!

Пока класс затихает и замирает, Вероника Игоревна оглядывается и поднимает руку к лицу. Нездешняя муть плещется в чёрных глазах, пальцы касаются брови, носа и соскальзывают по щеке.

– Вам нехорошо? – спрашивает Олеся. – Вероника Игоревна?

Мама Дианы не обращает на Олесю внимания: роется в красной сумке и достаёт пластинку с таблетками. Фольга металлически трещит, дребезжит, позванивает в бледных руках – от этого звука у меня сводит скулы.

– Позвать медсестру? – спрашивает Олеся.

– Помолчите, – чужим голосом отвечает Вероника Игоревна. Она садится, наконец выдавливает таблетку и без воды кладёт в рот. Мышцы под челюстью ходят вверх-вниз, Вероника Игоревна набирает слюны и стискивает зубы. От гримасы на её лице у меня самого пережимает горло.

Она глотает.

– Вам плохо? – повторяет Олеся.

Весь 10 «В» с настороженностью изучает Веронику Игоревну. Вот она подносит руку ко рту. Встаёт. Садится. Замирает, будто приступ рвоты подкатил к горлу и нельзя пошевелиться.

– На чём нас... мы остановились?

– Воскрешали... – начинаю я, но меня заглушает Олеся:

– Исцеляли знаменитостей. – Она карандашом показывает на портреты посреди доски.

– Исцеляли... – глухим эхом повторяет Вероника Игоревна. Смотрит на деятелей прошлого, на стол, на мобильный. – Артур Александрович, перестаньте звонить... Бога ради!

Тридцать пар глаз мигом вытаращиваются на меня. Щёки и шея вспыхивают, пот разъедает подмышки. Я соображаю, что церковный перезвон так и гремит над классом, и тычу в отмену вызова. Экран не реагирует, и мои пальцы бессмысленно елозят по стеклу. Заткнись. Ну заткнись же!

Сенсор запоздало срабатывает, и колокола затыкаются.

Божечки, нельзя же так.

– Исцеляли, – тихо говорит Вероника Игоревна и повторяет глуше: – Исцеляли...

Она перебирает распечатки на столе, но четвёрка, как магнитом, притягивает её снова и снова и в итоге побеждает:

– Вы думаете, это смешно? – В голосе Вероники Игоревны клокочет что-то древнее и тёмное. Словно из дикой чащи доносится рык. – Вы испортили окно ради глупой шутки.

В кабинете повисает тишина. Я устало вздыхаю, а Валентин изображает жест дирижёра, который даёт сигнал к началу мелодии.

– Это не наш класс. Ещё до урока было, – робко говорит Олеся. Ей вторят остальные: – Да, это не мы!

– Это «ашки», стопудово!

Вероника Игоревна холодно улыбается.

– Вы ведь даже не понимаете, сколько стоил гимназии этот кабинет, – говорит она. – Глупые, маленькие детишки. Глупые и...

– Вероника Игоревна, это не мы! – обиженно повторяет Олеся.

– Не мы, не мы... – Вероника Игоревна с ненавистью разглядывает четвёрку. – Раз всех так волнуют оценки... Показывайте лекарства.

Шуршит бумага, и класс белеет от страниц. Валентин передёргивает плечами и вздымает вверх наш «кветиапин». Я нервно щёлкаю ручкой.

– Ирина Олеговна, Максим Сергеевич – два. Шуберт умер. За «глюцин», – Вероника Игоревна прижимает ладонь ко рту и закрывает на секунду глаза, – с-спасибо отдельное.

Ряды бурлят от возмущения: звучат вздохи, стоны и «да ну, блин, сколько можно».

– Ольга Леонидовна – два! – повышает голос Вероника Игоревна. – Наталья Станиславовна – два! Гауф мёртв. Наталья Викторовна и Розетта Никифоровна... три – за юмор. Кардиостимулятор, вероятно, помог бы Рафаэлю, но к лекарственным веществам он никак не относится.

– Да неужели? – шепчет Коваль.

– Кирилл Гаврилович – два, – глядя на него, чеканит Вероника Игоревна. – Денис Олегович – два. Вы не вылечили Шуберта, а добились. Артур Александрович и Валентин Николаевич...

Я до боли вжимаю переключатель в корпус ручки и напрягаю слух.

– ...пять, несмотря на бесстыдное опоздание и на то, что буква «В» пишется в другую сторону. Печаль Ван Гога не будет длиться вечно.

– Ну конечно! – шёпотом возмущается кто-то.

Я нервно усмехаюсь, бросаю ручку, хватаю наш «кветиапин» и понимаю, что действительно отразил «В» в невидимом зеркале.

Честное слово, это от недосыпа.

Валентин театрально поднимает кулак в мою честь.

– Мужик-опоздун. Вылечит всех, даже если его об этом не просят.

Олеся и ещё тройка девушек поворачиваются в мою сторону. В штанах тут же деревенеет, прыщи на лице чешутся, и тело делается чужим, корявым. Мне и эта пятёрка кажется чужой. Будто не я занимался, не я читал, не я смотрел видеолекции, подкиннутые Вероникой Игоревной, – а подействовал ритуал Дианы. Ум понимает, что это невозможно, что магии не существует, но некий червячок сомнений вновь обвивает моё ухо и шепчет тихо-тихо:

– Ты не заслужил. Не заслужил. Не заслужил.

Ещё во втором классе у меня выявили дисграфию. Нарушение письма. Не волнуйтесь, это не детский церебральный паралич и не синдром Дауна. У кучи знаменитых людей дисграфия, и она не мешает, если не нужно много писать. Ох, ну да, если ты не в общеобразовательной гимназии.

При этой болезни люди... м-м-м, часто ошибаются. Кто-то пропускает слоги, кто-то путает закорючки или добавляет лишние. Кто-то, подобно мне, ещё и строчит буквы в зеркальном отражении.

Нет, вы не поняли.

БУКВЫ – не слова.

Я пишу «N» вместо «И», «R» вместо «Я» и так далее.

Это выходит само собой, но эффект на окружающих производит шикарный – будто я не урок конспектирую, а вызываю полтергейст.

Первые годы осознанной жизни я думал, что книги печатают исключительно на древнеегипетском, а вместо русского изучаем мы тот же древнеегипетский. Предки угробили тьму времени, денег и сил на борьбу с моей неграмотностью, на походы к логопедам, психологам, неврологам, на проверку рефлексов, сканирования и тесты. Репетиторы отказывались от денег, врачи заявляли, что у меня недоразвита часть мозга (я обычно представляю её в виде аппендикса). Якобы такое нарушение передаётся по наследству от отца к сыну или через поколение. Я понятия не имею, правда ли это. Знаю, что дед до смерти не умел толком ни читать, ни писать, но пережил войну и сорок лет отработал на фабрике. Никто ему и слова не сказал. А мне... мне будто досталось родовое проклятие – учиться с недоразвитыми мозгами в гимназии.

Школа – это ад. Сущий ад. Ты каждый день заявляешься в пыточную камеру и садишься на кол или, не знаю, залезаешь в «железную деву». Встречали эту особу? Полая металлическая фигура, изнанку которой покрывают шипы. Человека закрывают там, и острия вонзаются в кожу. Представили? А теперь представьте, что он каждый день ходит в «железную деву». Встаёт по будильнику, умывается, пьёт кофе. Прокручивает новостную ленту. Одевается, проверяет плиту, закрывает дверь. Снова открывает дверь, снова проверяет плиту. Закрывает дверь. Проверяет дверь. Трясётся с минуту в лифте, трясётся с полчаса на троллейбусе. Минует турникеты на проходной, отключает телефон и закрывается внутри «железной девы». Часов восемь корчит от боли, истекает кровью, а под вечер радостно чешет домой, чтобы в следующий день всё повторилось снова. Бедняге не дают за это зарплату, не благодарят – вообще никак не поощряют – но кошмар продолжается год за годом, ибо какой-то старый пердун сказал, что так, блин, надо.

А-а-а-аргх!

Со временем, конечно, свиклось-стерпелось-срослось, но до сих пор учусь я не ахти. Читаю медленно, пишу с ошибками. Барахтаюсь между двойкой и тройкой по русскому и, что называется, света белого не вижу.

И постоянно опаздываю, да.

Во-первых, Северо-Стрелец запихнули так близко к полярному кругу, что будильник звонит если не в темноте, то в сумерках. Во-вторых, мы живём в типичном российском поста-

покалипсисе: электричества нет каждые четыре месяца, а отопительная система ломается с первыми же заморозками. Вылезать из-под одеяла не хочется вдвойне. Поэтому я на ощупь нахожу сотовый, нажимаю «отложить» и тут же засыпаю, хотя в сотовом будильники у меня идут через пять минут.

7:25

Будильник, каждый...

7:30

Будильник, каждый...

7:35

Будильник, каждый...

7:40

...

8:00

Будильник, каждый...

Если откладываешь один будильник, а потом другой и третий, то они копятяся, как снежный вал, и ВЕРЕЩАТ. В критический момент нейрончики догадываются, что проще встать, чем заткнуть этот пиликающий оркестр, и вываливают ноги на пол. Голова не поднимается, глаза не открываются, и пальцы до синяков оббивают углы. Холод собачий. Батареи еле греют, ибо снова прорвало теплотрассу. Зубы ломит от студёной воды, одежда чуть не в инее. В холодильнике мышшь повесилась, и тараканы тоже повесились, потому что батя в командировке, а вечером лень обуяла идти в магаз. И вот голодный, сонный, ооченелый ты плетёшься в гимназию.

А я же не ботан и не бегу на учёбу сломя голову. Зимой мне нравится трескаться лёд в лужах, весной – давить шишки на набережной (они так кла-ас-сно хрустят), и в любое время года – гладить собак, которые встречаются по пути.

Ну, вы поняли: Артур Александрович – хронический опоздун.

Сегодня объединились три факта: будило не зазвонило, зубная паста не выдавливалась, а мужик у гимназии принёс документы Веронике Игоревне и встретил такое яростное сопротивление охраны, что я вызвался помочь.

К чему я это. Сегодня хотя бы нашёлся весомый повод.

Вероника Игоревна танком идёт по оценкам: налево и направо летят параши, пятёры, трюнделя. Четвёрки отсутствуют, и это настораживает. Не хотелось бы, чтобы у Вероники Игоревны снова начались проблемы. У неё получаются действительно интересные уроки, когда она пребывает в хорошем настроении и не устраивает на занятиях «Донбас».

– Никого не забыла? – с издёвкой говорит Вероника Игоревна. — Два десятка двоек, восемь троек, четыре пятёрки – вот ЭТО реальная оценка ваших знаний. Может, кто-то считает, что заслужил... четвёрку?

Класс угрюмо молчит в ответ. Нет, иногда Вероника Игоревна четвёрки ставит, но так неохотно, что ей об этом напомнили. Впрочем, цифра на окне вряд ли изменит ситуацию к лучшему.

– Вероника Игоревна! – сердито отвечает Олеся. – Да не мы её нари...

Раздаётся звонок. Вероника Игоревна слабо машет рукой, чтобы мы расходились. Скребут о линолеум стулья, множатся голоса, взвизгивают молнии на рюкзаках.

– В столову? – спрашивает Валентин.

Я мотаю головой.

– Попозже догоню. Купите мне две булы с сосисами.

– Сам как була с сосисой.

– Ха-ха. Какая оригинальная шутка.

– Шута, – Валентин лыбится, пока не замечает мой скепсис. – Дела необычайной важности?

– И чрезвычайной секретности. – Я достаю толстый, формата А4, пакет документов. Сверху чернеет адрес Вероники Игоревны, а пониже расположилось название фирмы «Башня» с соответствующим логотипом: средневековой дурындой из необработанных камней. – Какой-то мужик просил передать у гимназии.

– Сын мой, он там с семи утра стоял.

– И чё никто не помог ему? – хмурюсь я.

Валентин театрально задумывается.

– Не хотели, не видели смысла, наши родители учили нас не разговаривать с незнакомцами.

– Твой дедушка – особенно.

Валентин открывает рот, но понимает, что попал впросак. К нам подходят Олеся и Коваль. Олеся пробегает пухлыми пальчиками по руке Валентина и тянет его к выходу. Коваль вставляет наушники.

– Смотри-ка, подловил, – Валентин хмыкает. – Ладно, мне было откровенно влом. И мужичок мерзотный.

Коваль двигает тазом вперёд-назад, будто, кх-м, сношается с Олесей.

– Можно узнать, чем ты занимаешься? – со вздохом спрашивает она.

Коваль невозмутимо отвечает: «Трахуюс-с» – и продолжает двигать тазом.

– Давай ты найдёшь для этого собственную девушку, – предлагает Валентин и тянет Олесю к себе, подальше от Ковалья.

Коваль стонет и с обиженным видом включает громче музыку в ушах.

– Мобыть, и найду.

– В столовой попробуй. Путь к сердцу женщины лежит через кофе.

– Моя твоя не слышать.

Я ещё улыбаюсь шуточной ссоре, но внутри разливается жалость – к невезучему мужику и к Веронике Игоревне, которой никто не передал документы.

– Блин, я не понимаю этого. Ходить в церковь – можем. Петь на старославянском – можем. Носить кресты, вешать иконы, давать милостыню, жертвовать на приюты бездомных, подбирать замёрзших котят – да, можем! Но едва нас просит о помощи человек, мы чешем мимо. Логика, ау!

Олеся зевает. Коваль с непонимающим видом вынимает один наушник.

– Ну, начал архиерействовать, – Валентин тычет меня кулаком в плечо, но чересчур сильно, будто не прощается добродушным жестом, а злится. – Две булы с сосисами. Отправлю посылкой.

Три Ко уходят. Я тру место удара, закидываю в рюкзак тетрадку и направляюсь к Веронике Игоревне.

Она оперлась виском на руку и смотрит в окно – на кладбище, засыпанное снегом. Рыжие волосы засалились и неряшливо прядями закрывают глаза. Вся Вероника Игоревна выглядит неряшливо – как и её мятая юбка, как белая рубашка с закатанными рукавами, рубашка с желтизной на воротнике, рубашка, которую давно не стирали и не гладили.

Я ловлю себя на мысли, что с этой соскальзывающей в немолодость красотой, с тенями снов в углах чёрных глаз, с огнём волос мама Дианы кажется продолжением кабинета – как если бы его инопланетное пламя сошло со стен и приняло облик человека.

– Вероника Игоревна?

Молчание в ответ. Чёрные глаза странно подрагивают, будто сознание вышло по делам, но прикрыло дверь не до конца – оставило щёлочку и одним ухом подслушивает реальность.

– Вам просили передать. – Я боязливо протягиваю документы.

– Что? – Вероника Игоревна моргает и оглядывается. – Не поняла?

Я вежливо улыбаюсь и ещё на пару миллиметров приближаю к её лицу бумажный пакет. Да, мне приятно помочь Веронике Игоревне. Всё-таки учиться у неё интересно.

– Вам просил мужчина передать. У гимназии стоял и... ждал вас. Сказал, это очень для вас важно.

Красивые черты Вероники Игоревны искажаются, и у меня в голове будто загорается аварийная лампочка.

– Кто просил?... – с тихой угрозой спрашивает Вероника Игоревна.

– Ну, мужчина...

– Вы всегда делаете то, что просят мужчины?

Я растерянно опускаю руку с документами. Вероника Игоревна со свистом втягивает носом воздух, вырывает у меня пакет и трясёт им, чтобы листы внутри конверта съехали в сторону прозрачного окошка. Чёрные глаза напрягаются, щурятся, и бумага словно тяжелеет – гранитом ложится на руки Вероники Игоревны.

– Сколько он вам обещал?

– Чё? Нисколько! Вероника Игоревна!..

Мне стыдно и неловко – как за глупую, непоправимую ошибку. Я вытягиваю шею и всматриваюсь в надпись на документе. Увы, под острым углом ничего не видно: пластиковое окошко изогнулось и смазало текст.

– Вам... у вас с Дианой проблемы будут? Из-за этого письма?

Вероника Игоревна молча отворачивается и смотрит в окно.

Снег закончился. Небо не тёмное и не светлое – промежуточное. Розоватое, пастельно-оранжевое, полупрозрачное – будто свод Земли вырубил из халцедона или яшмы. На горизонте мрачной стеной плывут тучи. Фонари светят ярко, но всё освещение – и естественное, и искусственное – образует паранормальное... розовато-пастельно-оранжевое сочетание.

– Почему бы вам не спросить об этом у Дианы?

Хлётко, как удар веткой по лицу.

Я сглатываю.

– Нечего сказать? – зло спрашивает Вероника Игоревна.

Она резко встаёт, хватая что-то с химического стола, подходит к раковине и поднимает бумажный пакет. К его углу Вероника Игоревна приближает... зажигалку?

– Вот вам бесплатный урок, Артур Александрович. Если встречаете проблемы – испепеляйте их.

Вероника Игоревна щёлкает кнопкой – вырывается рыжий фейерверк и гаснет. Пламя не появляется. Она хмурится и пробует снова – и снова шипят бессмысленные искры. Мама Дианы повторяет этот странный фокус в третий, четвёртый раз, затем бессильно опускает руки. Закрывает глаза.

– С-сорян. Это не моё дело, только... Сорян. Только помочь думал.

Ха-ха. Вы наверняка заметили, что мне следовало думать лучше.

– Как она? – спрашиваю я.

Вероника Игоревна так и стоит у раковины – глаза закрыты, плечи поникли, – будто снова зависла, как на уроке.

– Всё ещё обет молчания? – шучу я неловко и тут же смущаюсь от собственной неуклюжести.

– А как твой отец? Все еще предлагает всем своим женщинам массаж ног?

Моё лицо будто обдаёт невидимым пламенем.

Вероника Игоревна открывает глаза и возвращается к столу.

– Родительский комитет опять говорит об исключении.

С тех пор как Диана замолчала, все говорят об её исключении. Не удивлюсь, если и морская свинка пишет об этом в своём дневничке.

– Вам нужно с кем-то профессиональным посоветоваться, наверное. Хотя бы насчёт блужданий... ну, во сне.

– Не поняла? – Вероника Игоревна резко вскидывает подбородок. Глаза остекленели, губы кривит усмешка – будто мысли умчались дальше, за поворот, но эхо прошлой фразы ещё скользит по лицу.

– Ну вот... подкаст на «Усатом». У них отдельно про киношки, и про машины, болячки...

Голос мой звучит всё тише и неувереннее, потому что Вероника Игоревна смахивает вещи в красную сумку: ключи, ноутбук, шприц-ручку с инсулином, тетради. От каждого движения по юбке разбегается сиреневая рябь. Последним ныряет бумажный пакет – белой водородной бомбой формата А4.

– А нельзя... – выпаливаю я. – Нельзя остаться с вами на четвёртом уроке?

– Артур Александрович, – Вероника Игоревна проверяет мобильный и прижимает тыльную сторону ладони ко лбу, – вы за мной следить собрались?

– Да с чего вы?!.. Нет! Нет, мне тупо понравилось сегодня. Ну, с Ван Гогом и прочее. Из-за кевлара вашего вообще не спал...

Я улыбаюсь заискивающе, но Вероника Игоревна даже не смотрит в мою сторону. Как странно она напоминает Диану из прошлого – ту Диану, которая наблюдала за Северным сиянием. Будто мать и дочь совпали, зазвучали в унисон – если не мыслями, не голосом и поступками, то хотя бы взглядами на недостижимую в пространстве и времени точку.

– Вот и идите спать на литературу.

– А нельзя... нельзя всё-таки у вас остаться? У вас же одиннадцатый «Б»? Неорганические кислоты?

Я поднимаю руку в жесте вопроса, но Вероника Игоревна по-прежнему не слушает.

Последнее время заметно, насколько ей скучно в гимназии. Заметно, что мы раздражаем или не понимаем Веронику Игоревну. Или безразличны. Как бы... слишком мелкие, глупые. Ещё год назад она водила экскурсии, вела электив, где выставляла на лабораторный стол шеренгу реактивов, раздавала стаканы и позволяла мешать вещества в любом порядке. А теперь...

Не знаю, мне нравилось. Когда неправильного ответа не существовало – поливай себе золотистое красненьким и объясни, что получил.

– Артур Александрович... – Вероника Игоревна поднимает раздражённый взгляд, но улыбается, когда замечает выражение моего лица. Черты её смягчаются, хорошеют, и она отвечает явно не так, как хотела: – Бог с вами, оставайтесь. Но очень прошу...

– Не спать? На кислотах?! – Я развожу руками. – Да ни в жизнь!

Вероника Игоревна качает головой, и улыбка на красивых губах бледнеет.

– Убедите мою дочь заговорить.

Сон третий. Музыка остаётся, голоса исчезают

– ...«Западная вахта», – раздаётся над головой женский голос. – Следующая остановка – «Храм жён-Мироносиц».

Троллейбус останавливается и с шипением сворачивает гармошки дверей.

Две ступеньки. Асфальт. Гололедица.

Я засыпаю в рот остатки сухариков, вытираю пальцы об упаковку и скармливаю её ржаво-зелёной мусорке. Кушай, монстрик. Ням-ням.

Безликие высотки нависают бело-синими стенами и словно подминают под себя. Во рту хрустят крошки с привкусом химического холодца.

Седьмой подъезд.

Шестой.

Пятый.

Приближаются серо-синие двери, посреди которых алеет граффити-сердечко. Рядом барахтается на ветру объявление о плановом отключении воды (неужели такие бывают?) и чернеет отметка: «Уровень воды 5 октября 2014».

Какая ирония.

Я повожу плечами и включаю режим камеры в телефоне. Не проходит и секунды, как пятый подъезд со всеми его сердечками, объявлениями и отметками появляется на моей странице в «Почтампе». Не проходит и двух, как Валентин ставит лайк и присылает какое-то видео с названием «Крипота».

Сколько бы ушло на подобное в девятнадцатом веке?

Раздаётся писк, и металлическая дверь грузно открывается мне навстречу.

Я пропускаю семейную пару, внутренне готовлюсь и захожу в холодистый полумрак подъезда, в зассанный лифт.

Двери закрываются, я запускаю «Крипоту» Валентина. На экранчике мобильного возникают 192 лайка, куча сообщений в духе "ну и жуть" и забитый класс общаги в нашей гимназии.

Изображение тусклое: царят чёрный, серый, бордовый. Из окон льётся бледное сияние и очерчивает сторбленную тень, которая тяжело дышит. Видео никак не фокусируется, и я не понимаю, мужчина это или женщина.

Шорох.

Стон.

Человек выгибается как на дыбе, и по моей спине стекает ледяной ручеек пота.

Диана.

Она открывает рот, будто плачет, но на записи не слышно ни звука. Взгляд Дианы пуст, неподвижен, рот открывается и открывается – в диком оскале, как если бы челюсти рвались на части. Тень Дианы содрогается от сухих рыданий. Мои уши закладывает, кровь приливает к голове, и я напоминаю себе, что смотрю любительскую запись, снятую на телефоне.

Это на видео мне явилась Диана.

Это на видео она беззвучно, иступлённо плачет в приступе лунатизма.

Бр-р-р.

Лифт с грохотом выпускает меня на лестничную площадку. Горько пахнет сигаретами, постукивает открытая форточка. В жёлтом свете «сороковатки» я минуты три громыхаю ключами, пока дверь не поддаётся.

– Спасибо, что не поменял замки!

Тишина в ответ.

Прохлада.

Из моей комнаты янтарным потоком течёт солнечный ручей: зажигает искрами пыльный воздух, очерчивает дрожащие тени на полу. Я с удовольствием прыгаю кроссовками по тряпке, закрываю дверь и кидаю ключи на тумбочку.

– И особенное спасибо за то, что не появляешься дома!

Рюкзак получает под зад и улетает к софе. На вешалку баскетбольными трёхочковыми летят шапка, перчатки и шарф.

Оп-ля.

Мой взгляд упирается в розовую записку на зеркале – короткое и ёмкое «Извинись». Ниже прилепилась зелёная бумажка, в центре которой нарисовали весёлую лягуху. Лягуха говорит: «Ква-а, какие грязные ботинки». Бумажка ничего не говорит. Она давно побледнела и свернулась по бокам, но у меня не поднялись руки её содрать. Да, когда-то Диана рисовала такие записочки, когда-то давным-давно, в позапрошлой жизни.

Я без удовольствия вспоминаю о просьбе Вероники Игоревны. С шумом втягиваю носом воздух и снимаю кроссовки. Топаю на кухню.

Просьба идёт следом.

Всхрапывает светло-бежевый холодильник, и металлическая дрожь проходит по его корпусу. За девственно чистыми окнами вспархивает на бельевой верёвке бatina рубашка. Солнце просвечивает сквозь белую ткань масляным шаром и согревает моё лицо.

Я дёргаю створку и впускаю в форточку колокольный звон к вечерней службе. Следом проникает вкусная свежесть: соскальзывает на пол, покусывает щиколотки.

Весна.

Мои пальцы задевают берестяной магнит «Мурманск» на холодильнике и стискивают ручку. Резиновый уплотнитель на дверце чавкает, лицо обдаёт инеем. На стол, словно киты на берег, выбрасываются пакет майонеза, буханка чёрного и шмат конской колбасы. Я щёлкаю кнопкой чайника и носом, как дельфин, тычу в телефон – снимаю блокировку.

Нет новых лайков? М-м... нет. Смиритесь, Артур Александрович, по числу отметок «Лъпота» вам никогда не победить ни снохождение Дианы, ни голую жопу Симоновой.

Я обрезаю корочку с куска бородинского и одновременно прокручиваю новости в ленте. Мелькают чёрно-белые фото пирамид, выпуск «6 кадров» в постах Ковалья. Сообщение о первом туркменском спутнике.

Вы никогда не задумывались, что в эпоху интернета самое страшное – не знать, какую новость выбрать? Вот ты крутишь и крутишь эту рулетку, пока не находишь любопытственный пост, а потом ловишь себя на предчувствии, что найдёшь лучше. И палец снова елозит по тачскрину – как загипнотизированный, как если бы физически не мог остановиться.

Мем о «Кровавой свадьбе», кодекс чести русского офицера. Новый выпуск подкаста Валентина. Лавандовые поля Франции.

Я резко прокручиваю назад. К центру экрана спускается фигура отца Николая: усталая, сутулая – будто её тянет к земле грузный серебряный крест. Мой палец повисает над стрелочкой воспроизведения, качается в задумчивости влево-вправо и давит в экран.

Пиктограмма загрузки крутится раза три, будто балерина (вид сверху), и дед Валентина безмолвно открывает-закрывает рот. Я соображаю, что не включил звук, и втапливаю кнопку громкости в бочину мобильного.

– ...года наша община выпускает ежемесячную газету «Доброе слово» тиражом в тысячу экземпляров, – зычным, басовитым голосом рассказывает отец Николай. Камера укрупняет его бороду, перевитую нитями седины, и у меня само собой возникает в голове слово благостность. – С две тысячи четвёртого года на частоте девяносто девять и два мегагерца работает наше круглосуточное православное радио «Глас светлый». Тридцать два ребёнка из Детского дома номер шестнадцать участвуют в нашем образовательном эксперименте по снижению преступности среди воспитанников детдомов.

– Бывают ссоры с детдомовцами? – Камера показывает неестественно прямую Олесю. Ярко-зелёный свитер приятно обтягивает девичьи формы и словно бы очерчивает их, отделяя от фона: бледной иконы в серебряном окладе и книжных шкафов.

Запах майонеза напоминает мне о бутерброде, и, доводя пищевую конструкцию до ума, я в который раз удивляюсь магическому обаянию отца Николая: он будто... обволакивает?

Или дело в свитере Олеси?

– Не без этого, – с улыбкой отвечает отец Николай и мизинцем поправляет чёрные роговые очки. – Кто-то весьма настороженно относится к православным ценностям, кто-то, бывает, вовсе придерживается иной религии.

Я наконец кусаю бутер, и жирноватый, с уксусом аромат майонеза растекается по языку. А вместе с ним – дегтярный привкус махана.

Долбаная конина. Батя жрёт её как чипсы, а мне всякий раз представляется, будто я челювечину ем.

– Как вы решаете эти ссоры? Всегда ли сохраняете, ну, спокойствие?

Отец Николай складывает руки на внушительном животе.

– Нет, Олеся. К сожалению... нет. Хотя я и прикладываю все усилия, чтобы одержать победу над сиюминутными эмоциями, мне есть, за что себя винить.

– Но вы ещё, как бы, думаете про воскресную школу?

– Олеся, думаем, конечно, – отвечает отец Николай, и в верхнюю часть кадра влезает меховая ветрозащита.

О господи!

Коваль!

Тебе только и нужно, что ровно держать микрофон.

– Мы уже посещаем уроки в гимназии имени Усиевича, – продолжает отец Николай, не замечая мохнатого зверя над собой, – и кадетском училище номер пять. Читаем бесплатные

лекции, проводим обсуждения. Приглашаются все желающие, в том числе взрослые. Я очень, надеюсь, что мы завершим строительство собственного учебного заведения для детей с ограниченными возможностями... к сожалению, пока мы лишились должной поддержки.

Меховое пугало наконец исчезает за верхним краем кадра.

Олеся кивает и сверяется с записочками. Пальцы её дрожат. От волнения? Словно это «Вечерний Ургант», а не выпуск доморощенного подкаста.

И всё же Три Ко сняли интервью. Без меня. Да, я никогда не выказывал интереса к их «каналу», скорее, пренебрежение или лёгкое презрение – как взрослый смотрит на рисунки первоклашек, – но отлично бы чувствовал себя там, в кадре. Задавал бы вопросы на месте Олеся, вертел бы камерой «яблофона» не хуже Валентина или хотя бы держал чёртов микрофон так, чтобы он не влезал в кадр.

Кислая смесь зависти и разочарования плавит мне желудок, и я бросаю ей на съедение ещё один ломоть конской колбасы.

Жри!

– И всё это... – Олеся наконец выуживает нужный вопрос, – вы делаете на свечки и пожертвования?

– Да, свечи, записки, молитвы, панихиды... Последнее время, стали приносить доход книги, видимо, в связи с популярностью нашей страницы в социальной сети. Кстати, хочу отметить, что данная страница – целиком инициатива моего внука. – Отец Николай чуть улыбается. – Духовенство, с нашей стороны, нисколько не цензурирует её содержание.

– Между прочим, очень интересная страница, много познавательного. – Олеся бросает лукавый взгляд за камеру и опять сверяется с записями. – Вот в Свято-Алексиевской пустыни, сколько на данный момент проживает здесь, м-м, постоянно?

Отец Николай поправляет мизинцем чёрные роговые очки и беззвучно шевелит губами.

– Предполагаю, пятьдесят два человека.

– Так мало? – Олеся наклоняется вперёд. – Кажется, что попадаешь в отдельный город... посёлок.

– Всё относительно, Олеся. Я помню, когда в девяностом году был принят закон о свободе вероисповедания, я самолично крестил несколько сотен. Никто из них больше не посетил церковь. Так что эти пятьдесят два человека куда больше значат для меня, чем те сотни.

– Эти пятьдесят два человека – одиночки или семейные люди? Духовенство? Мирские?..

– Олеся, по-разному. – Отец Николай оправляет длинную бороду. – Кто-то находит у нас необходимое уединение, кто-то – семью. Кто-то приезжает с семьёй. Наши двери для всех открыты.

– Скажите, а... ну, а много ли тех, кто однажды поселился среди вас и потом уезжает?

Отец Николай отпивает воды из бутылочки. Его светло-карие глаза затуманиваются, и ответ звучит далёким, суховатым эхом:

– На моей памяти был один такой человек.

– Как интересненько, – Олеся кивает и перебирает записки, но вскоре останавливается.

Секунду она медлит, затем всё же спрашивает: – А какая причина?

– Я бы не хотел об этом говорить, Вероника.

Камера слегка дёргается.

– О... Олеся.

Дед Валентина замирает и секунд десять вовсе не дышит.

– Прости меня... – выдыхает он. – Конечно, Олеся. Олеся. Прости.

Изображение моргает от резкой монтажной склейки – словно Валентин выдрал с корнями длинную неловкую паузу.

– Если коротко... – спрашивает Олеся, – причина была в каких-то особенностях жизни в пустыни? Или...

– Нет. – Отец Николай снова отпивает воды и горбится ещё сильнее, будто крест с каждой секундой тяжелеет и прижимает его к земле. – Она... этот человек имел свои причины. Ребёнка, о котором следовало позаботиться. Дела, которые следовало завершить.

– А нельзя это было сделать, уже живя здесь, помогая?..

Слово «ребёнок» ещё звучит в моих мыслях и заглушает вопрос Олеси. Неужели отец Николай говорит о Диане и её матери? Именно Вероника Игоревна уходила жить в Свято-Алексиевскую пустынь и потом вернулась. Больше никому.

Я машинально отрезаю кусок махана и кладу с ножа в рот.

С чего же тогда всё началось?

С листовок. С четвёрок? Я помню, что гимназию перевели с двухсотбалльной системы на пятибалльную, и на уроках Вероники Игоревны не стало хорошистов.

С месяц гнойник набухал, разрастался, а затем посыпались жалобы родителей. Начались проверки, воздух классов наполнило скрытое напряжение. Тогда же в нашу гимназию пришёл дед Валентина. От него веяло обаянием светлого, пострадавшего человека, которое притягивало людей и Веронику Игоревну тоже зацепило, но зацепило неправильно. Не как пример добродушия или открытости, а как ледяной шип Снежной королевы, что попадает человеку в сердце и лишает покоя.

Со стороны всё выглядело невинно: Вероника Игоревна зачастила в церковь, а на подоконниках у нас зацвели глянцевиные листовки. Карандашные голубые ручейки текли на карандашных зелёных полях и ругались непонятными словами: **ЕВХАРИСТИЧЕСКИЙ! ЛИТУРГИЯ! КАТЕХИЗАЦИЯ! ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ!** Через пару месяцев в углах комнат поселились иконы седобородых старцев, а на кухне что ни день выгорали тоненькие свечки.

На Масленицу Вероника Игоревна пропала. Ушла посреди лабораторной, как уходят за туалетной бумагой или шоколадкой к чаю – и дома не появилась, и след простыл.

Диана словно впала в душевный паралич: на уроках отвечала невпопад и каждую большую перемену проверяла, вернулась ли мама. Снова звонила Веронике Игоревне на сотовый, часами слушала протяжные гудки. Заклеила скотчем выключатель в прихожей и запрещала его трогать, как раньше оставляла свет до возврата мамы из гимназии. Диана не училась, не мылась, не ела, и кормил я её чуть не с ложки.

Через две недели Вероника Игоревна вернулась. Так же просто, как и ушла, будто торчала всё это время в длинной очереди.

Понимания она не встретила. Из гимназии её уволили, мой батя устраивал дикие скандалы, и скоро Вероника Игоревна с Дианой съехали от нас.

Через год после этой кутерьмы Аида Садофиевна – нынешний директор – возвратила Веронику Игоревну в гимназию. С грехом пополам появились четвёрки, а следом – новый кабинет, похожий на рождение сверхновой. Вернулись допы и элективы, но...

Вы заметили? Который раз это слово – вернуться. Забавно, что в нём самом заключён временной парадокс. Даже если ты вышел из дома, а потом, блин, вернулся, ибо зонтик забыл, тебя встречает другой дом. В нём уже сместились частицы воздуха и пыли, и фотоны навывибивали электронов. Распался атом в деревянной швабре, Земля провернулась на несколько тысяч метров вокруг своей оси – **ЭТО УЖЕ СОВСЕМ ДРУГОЙ ДОМ.** Ты в другой дом пришёл! Ты не вернулся!

Так и Вероника Игоревна не вернулась из пустыни. Она изменилась, и Диана изменилась. Сместилось что-то, разошлось по шву и поехало дальше, набирая ход.

Я останавливаю видео майонезными руками.

Отец Николай.

Вероника Игоревна.

Диана...

Как ты разговоришь человека, который молчит месяцами? Молчит тупо, упрямо, зло, потому что уже не верит в слова, в их силу.

Я раздражённо протираю телефон от соуса и захожу на свою страницу в «Почтампе». Палец, будто сам, пересекает экран и вжимается посреди списка друзей в аватарку Дианы. На фото она застыла в жутковатой сепии – на коленях, разведя руки в стороны и выгнувшись назад, будто тело свела судорога. Или будто её распяли?

Диана «Геката» Фролкова

МУЗЫКА остаётся ГОЛОСА исчезают (с)

Была в сети 21 марта в 16:43

День рождения: 14 января 2001 г.

Городъ: Северо-Стрелецк

Семейный статус: чортъ разберётъ

Вебъ-сайтъ: <http://www.Difrol>

Образование

Гимназия: Гимназия им. Г.А. Усиевича

Северо-Стрелецк, сь 2008

Гимназия: Музыкальная школа №8 '17

Северо-Стрелецк, 2014–2016 (г)

хоровое отделение

Жизненная позиция

Дьявольность: давно поняла, что спорт – не моё, мало говорю, мало сплю, мало ем, мало трусов и носков, легко могу дать совет по жизни или вбить зубы вам в глотку, но скорее всего ни то ни другое вам не нужно

Любимыя композиции: Фекальный вопрос, Пенел и ветер, Гражданская оборона

Любимыя ленты: Все умрут, а я останусь, Заводной апельсин, Бойцовский клуб, Груз 200

Любимыя потъхи: слать лучики гавна

Любимыя высказывания: Мир настолько испортился, что, когда перед тобой чистый искренний человек, ты ищешь в этом подвох. (Р.Брэдли)

Банк СеверМорПуть

18 марта 2018 в 20:41

Просьба находится дома. Запланирован выезд с целью вручения уведомления об уступке прав требования по долгу. Мероприятия будут проводиться по адресу регистрации, работы и иным адресам проживания вашей семьи. Если сумма оплачена, перезвоните во избежание недоразумений.

Диана «Геката» Фролкова

05 марта 2018 в 22:12

Хочу быть морем и топить людей

#сходила на пирс #лучики гавна #буль-буль

Диана «Геката» Фролкова

21 февраля 2018 в 16:47

Оно как дождь. Вставая молчаливо навстречу ночи с тёмного залива, оно с земли, глухой и сиротливой, уходит в небо, свыкшееся с ним.

*И, падая, течёт по мостовым.
Льёт в серые часы, когда округа
к рассвету тянет улицу, как руку,
когда тела, не разгадав друг друга,
кончают путь по замкнутому кругу
и люди, ненавидящие друг друга,
в одной постели молят о покое, –
тогда к морям течёт оно рекою...
Нет одиночеству предела.
(с) Райнер Мария Рильке
#сука*

*Диана «Геката» Фролкова
19 февраля 2018 в 18:36
(>) Реальные звуки – Голоса, записанные в 1984...
#настроениеdropd #лучики гавна*

Внутри меня всё натягивается, будто на дыбе, – когда сообщение банка стыкуется в мыслях с конвертом Вероники Игоревны.

Сколько же Фролковы задолжали, что их так прессуют?

Я прокручиваю страницу Дианы туда-сюда и, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, кликаю трек восьмидесятых. Крутится значок загрузки.

Раз.

Другой.

Третий. Солнце за окнами скрывают облака, и кухня выцветает в сумрачные, безликие оттенки.

«Убедите мою дочь заговорить».

Да как, блин?!

Я неуверенно открываю окно сообщений, тычу в букву «П», затем «Р». «В».

«И».

«В».

На «Е» я подскакиваю – потому что визжит женщина. Она визжит, как не умеют ни в кино, ни в театре, будто её заживо препарировать. Сердце ухает в груди; наваливается липкий, колючий страх. Я вырубая громкость телефона и нажимаю на имя аудиозаписи.

(>) Реальные звуки – Голоса, записанные в 1984 году серийным убийцей Тэдом Рэнсомом во время резни на ферме Глория

Ну, я не знаю.

Ну, пипец.

Я без сил опускаюсь обратно на стул и пытаюсь отдышаться, успокоиться.

Нет, Диана не восторгается маньяками, не тупите. Она паучков-то не давит – выпускает в окно и кричит им вслед что-то вроде «Удачной кругосветки!». Но если к Диане кто-то плохо относится, она ведёт себя ещё хуже. Типа, «Да гори оно огнём». Как будто у Дианы сердце болит, ноет от дерьмового к ней отношения, и она эту рану нарочно берedit – чтобы уж совсем всё сгнило, омертвело и не чувствовало.

Нынешний этап холодной войны начался с сентября, когда отец Николай стал вести у нас ОБЖ, а Диана закрыла рот на замок. Согласитесь, если человек не говорит ни слова, но исправно ходит на уроки, ему обеспечено массовое раздражение.

Ну а дальше... Вы же знаете этих быдломашек? Едва к молчанию добавилось видео, как Диана ходит во сне на русском, одна дурында заявила, мол, Диана устроит стрельбу в нашей гимназии.

«Я всё министерство на уши подниму, если узнаю, что эта психованная ходит в один класс с моим зайчиком!»

Ох, знали бы вы, куда ходят ваши «зайчики» после трёх банок пива.

Так или иначе, остальные дурынды присоединились к массовой истерике. Поднялся дикий вой, Диану вызвали на педсовет – она упрямо молчала. Веронику Игоревну тоже вызвали на педсовет – она не знала, как разговорить дочь, и тоже молчала. Во всяком случае, в таком виде события дошли до меня.

И теперь Диана разместила в «Почтампе» этот жуткий трек.

Нет, Диана не зарежет никого и, тем более, не устроит бойню в гимназии. Никогда. Но убедит, что способна, и убеждение это доведёт до точки.

Какие же мои слова на неё повлияют?

Ну какие?

Да и не хочу я. Ни писать Диане, ни звонить. Не хочу. Если она устроила молчаливую забастовку против отца Николая, это её право.

Ну что вы так смотрите?

Думаете, я сам так не смотрю на себя?

Исподволь приходит осознание потусторонней тишины. Чайник вскипел, и только поскрипывает на сквозняке занавеска, да глухо ворчит желудок – как бы недовольный хозяином.

Я смотрю на бутерброды с кониной и ощущаю тошноту.

Хочется поесть что-то нормальное.

И выспаться.

Медленно движется мой большой палец: закрывает окно сообщений, тянется к кнопке «домой» по-над немецким стихотворением и вдруг на излёте не то мысли, не то решительности ставит под ним лайк. Тут же наваливается стыд – за трусость, за мелочность, за не-мо-го-ту.

Я судорожно закрываю «Почтамп» и выключаю экран телефона.

Я мог открыть список контактов и позвонить.

Я мог написать, в конце концов.

Но я поставил долбанный «лайк».

Сон четвёртый. Молчание

Вам попадались фотографии зала, где выставлена Джоконда? Заметьте, я не спрашиваю, посещали вы Лувр или нет, – ибо, как говорит батя, за рубеж ездят лишь мошенники, депутаты и дегенераты, а у меня нет желания относить вас ни к одной из этих категорий. Я прошу: представьте туристический час пик. Получилось? Теперь поштучно замените избранных народа гимназистами, а деву эпохи Возрождения – снимками 10 «В».

Бинго! Вы видите ровно то же, что и я.

Снимки появились в классе благодаря Веронике Игоревне. Это она собрала фотографии, это она написала о каждом ученике в стиле «Википедии» и украсила стену. Вообще было приятно: заходишь и смотришь на себя, как на избранного. Со временем выставка, конечно, приелась. Фотографии потускнели, бумага пошла волнами от перепадов температур, достижения устарели. Мы неделями проходили мимо, не замечая себя, и тем удивительнее, что сегодня народ толпится перед нашей галереей, будто евреи у Стены Плача (да простят мне евреи подобное сравнение).

– Чё такое? – спрашиваю я у Симоновой.

Вместо ответа она отходит в сторону, и какая-то смешинка поднимается внутри, потому что на портретах у меня и Трёх Ко обновление: проткнутые глаза. Валентин с досадой пытается содрать фото. Коваль ржёт. Олеся подрисовывает своей ослеплённой копии усы и цилиндр.

Я не сразу понимаю, откуда эта жуть взялась, только растерянно хмыкаю. А потом разум воскрешает минувший день, и делается не до смеха.

Тени оконных рам скользят по хромированным столикам, по высоким стульям. За окном темнеет набережная, блестит ледовый припай, и чайки бродят туда-сюда крикливыми патрулями.

Со мной те же Три Ко. Валентин уплетает бургер, Олеся читает нечто под названием «Горничная Усуи Такуми». Коваль цепляет на пальцы печенки с узором из маленьких восьмёрочек – как средневековый король, который надевает кольца перед приёмом иностранного посольства.

Ох, простите, вы же не в курсе, где мы. В «Повешении, потрошении и четвертовании», что посреди Советской набережной. Да-да, преклоните колени: бургерный апокалипсис захватил планету и добрался до нашего Северо-Сранска. И да, я хочу, чтобы котлета лежала между двумя кусками хлеба, проткнутыми шпажкой, а на стулья приходилось забираться, как на стремянку. По меркам северо-стрелецких рюмочных, где царят одни мухи и алкаши, ППЧ место отличное. Дорогое, конечно, но зато социально – или как там называется? – ориентированное. По первому впечатлению, здесь работают пенсионеры, инвалиды и прочие убогие. Валентин обещал нас угостить здесь чем-то редкостным и оказался прав: бургер улетает с языка прямо в рай.

Теперь извините: я подавлюсь Chicken Tsar (рубленая котлета из куриного филе, маринованные огурчики, хрустящие, как французская булка; карамелизированный бекон, соус горчичный, лук красный), ибо в дальнем углу зала – Диана. Она понуро собирает осколки зелёных стаканов, предсмертный грохот которых и привлёк моё внимание. Не знаю, что больше поражает: Диана или лососёвый оттенок её формы.

– Гы, зырьте! – показывает на Диану Коваль, пока я в приступе кашля долблю себя по груди.

– Что там? – Валентин тоже поворачивается. – Да ладно! Наша шиза тут работает?!

Олеся на секунду поднимает глаза от будней японской горничной, перекладывает жвачку на другую сторону рта и с лёгкой улыбкой замечает:

– Скорее, воюет.

– Зачем обзываешься? – спрашиваю я Валентина, когда наконец отправляю куриное филе в нужное горло.

Он прищуривается.

– Сын мой, лунатизм начинается на ранних стадиях шизофрении.

– Ты психолог?

– Я любознателен.

– Блеск! – Я хлопаю кончиками пальцев и вытираю с подбородка остатки «царского» бургера. – Давайте поаплодируем Валентину и пойдём.

Всё же странно: Диана-официантка в кафе! Неужели у Вероники Игоревны столь тяжко с деньгами?

Да, и как Диана обсуждает заказы, м-м, без слов?

Жестами?

Эсэмэсками?

Азбукой Морзе?

Валентин задумчиво улыбается.

– А не сделать ли нам выпуск?

– Мобыть, я? – радостно предлагает Коваль.

Мне становится неловко за Диану.

– Оба – успокойтесь. Не надо никаких выпусков.

– Лучше делать новости, чем жить без совести. – Валентин включает камеру мобильного и отмахивается от очередного «мобыть, я-я-я?» Ковалю: – Слушай, свой телефон купи и снимай, сколько влезет! Чего ж тебя всё к моему тянет? Не к девушке моей, так к телефону... штаны мои тебе не отдать?

Коваль обиженно замолкает, а я снова перевожу взгляд на Диану: она порезалась об осколок и с отчаянием смотрит по сторонам. Мне хочется встать и помочь, но – блин – посетили же не подметают в кафе мусор официантов? Ведь... не подметают?..

Боковым зрением я чувствую пристальный взгляд Валентина и намеренно отворачиваюсь к окну. Там пасмурно, и злой ветер сметает с променада неубранный мусор. Волны выламывают ледовый припай и лупят по далёкому причалу, обдавая брызгами чугунные фонари, скамейки, прохожих. От этого пейзажа кожу мне стягивают цыпки, а по заливку скребут морозные коготки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.